

ЧУК И ГЕК

Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребятишками к нему в гости.

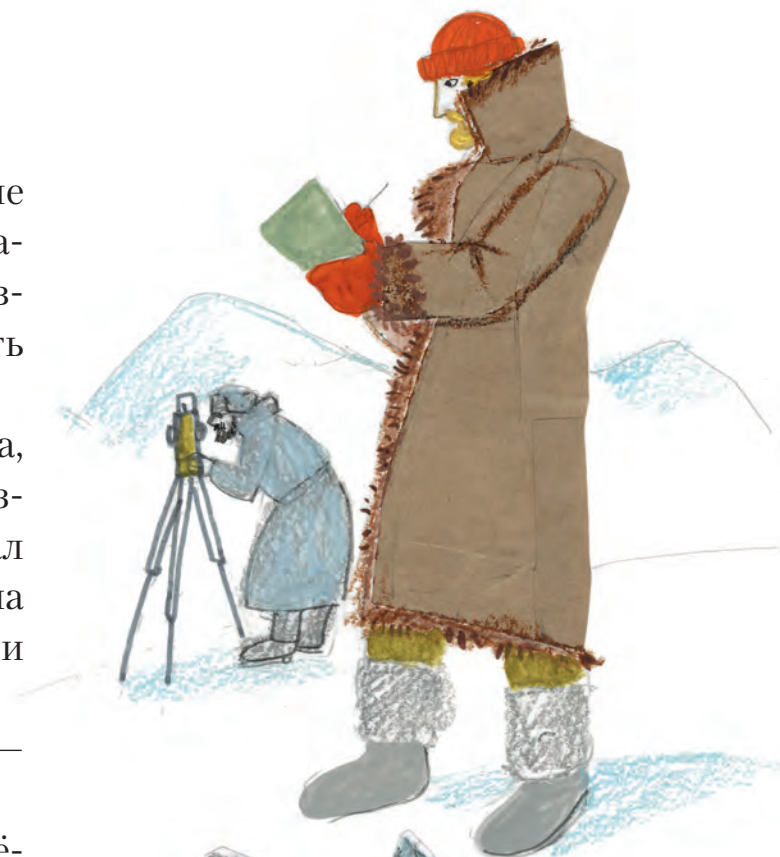
Ребятишек у него было двое — Чук и Гек.

А жили они с матерью в далёком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днём и ночью сверкали над башнями этого города красные звёзды.

И, конечно, этот город назывался Москва.

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Геком был бой.

Короче говоря, они просто выли и дрались.

Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что или Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загремел звонок, и они с тревогой переглянулись. Они подумали, что пришла их мама. А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе. А в одном часе — тик да так — целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слёзы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, это была не мать, а почтальон, который принёс письмо.

Тогда они закричали:

— Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверное, скоро приедет.

Тут на радостях они стали скакать, прыгать и кувыркаться по пружинному дивану. Потому что хотя Москва и самый

замечательный город, но когда папа вот уже целый год не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мать.

Она очень удивилась, увидав, что оба её прекрасных сына, лёжа на спинах, орут и колотят каблуками по стене, да так здорово, что трясутся картины над диваном и гудит пружина настенных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала.

Она только турнула их с дивана.

Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинок, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над её тёмными бровями.

Всем известно, что письма бывают весёлые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за её лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась, и они решили, что это письмо весёлое.

— Отец не приедет, — откладывая письмо, сказала мать, — у него ещё много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек растерянно глянули друг на друга. Письмо оказалось самым что ни на есть распечальным.

Они разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

— Он не приедет, — продолжала мать, — но он зовёт нас всех к себе в гости.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

— Он чудак-человек, — вздохнула мать. — Хорошо сказать — в гости! Будто бы это сел на трамвай и поехал...

— Да, да, — быстро подхватил Чук, — раз он зовёт, так мы сядем и поедем.

— Ты глупый, — сказала мать. — Туда ехать тысячу и ещё тысячу километров поездом. А потом в санях лошадьми через тайгу. А в тайге наткнёшься на волка или на медведя. И что это за странная затея! Вы только подумайте сами!

— Гей-гей! — Чук и Гек не думали и полсекунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже

сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку. И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, всё их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих на руки, завертела и свалила на диван.

Знайте, она давно уже ждала такого письма, и это она только нарочно поддразнивала Чука и Гека, потому что весёлый у неё был характер.

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени не теряли тоже. Чук смастерил себе кинжал

из кухонного ножики, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в неё гвоздь, и получилась пика, до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Приделали второй замок к двери, чтобы не обокрали квартиру воры. Вытряхнули из шкафа остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний завтрашний поезд.

Но тут без неё у Чука с Геком получилась ссора.

Ах, если бы только знали они, до какой беды доведёт их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились!

У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обёртки (если там был нарисован танк, самолёт или красноармеец), галчиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и ещё всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук шёл доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошёл почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошёл узнать, почему это Гек уже не поёт песни, а кричит:

**Р-РА! Р-РА! УРА!
ЭЙ! БЕЙ! ТУРУМБЕЙ!**

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел такой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, разлохмаченная газета. И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в жёлтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранилась сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги — сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберёт в дальнюю дорогу.

И, увидав продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пику, переломил её о колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорблённый Чук и с криком: «Телеграмма! Телеграмма!» — в одном пальто, без калош и шапки, выскочил за дверь.

Почувяв неладное, вслед за Чуком понёсся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала ещё никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и её утянул какой-либо прохожий, но, так или иначе, вместе со всем добром и нераспечатанной телеграммой коробка навеки пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадёт им от матери обоим. Но так как Чук был на целый год старше Гека, то, опасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

— Знаешь, Гек: а что, если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь — телеграмма! Нам и без телеграммы весело.

— Врать нельзя, — вздохнул Гек. — Мама за враньё всегда ещё хуже сердится.

ТЕЛЕГРАММА!

— А мы не будем врать! — радостно воскликнул Чук. — Если она спросит, где телеграмма, — мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперёд выскакивать? Мы не выскочки.

— Ладно, — согласился Гек. — Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но всё же она сразу заметила, что у её дорогих сыновей лица печальные, а глаза заплаканы.

— Отвечайте, граждане, — отряхиваясь от снега, спросила мать, — из-за чего без меня была драка?

— Драки не было, — отказался Чук.

— Не было, — подтвердил Гек. — Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

— Очень я люблю такое раздумье, — сказала мать.

Она разделась, села на диван и показала им твёрдые зелёные билеты: один билет большой, а два маленьких. Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет, и все уснули.

А про телеграмму мать ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила.

Назавтра они уехали. Но так как поезд уходил очень поздно, то сквозь чёрные окна Чук и Гек при отъезде ничего интересного не увидели.

Ночью Гек проснулся, чтобы напиться. Лампочка на потолке была потушена, однако всё вокруг Гека было озарено голубым светом: и вздрагивающий стакан на покрытом салфеткой столике, и жёлтый апельсин, который казался теперь зеленоватым, и лицо мамы, которая, покачиваясь, спала крепко-крепко. Через снежное узорное окно вагона Гек увидел луну, да такую огромную, какой в Москве и не бывает. И тогда он решил, что поезд уже мчится по высоким горам, откуда до луны ближе.

Он растолкал маму и попросил напиток. Но пить ему она по одной причине не дала, а велела отломить и съесть дольку апельсина.

Гек обиделся, дольку отломил, но спать ему уже не захотелось. Он потолкал Чука — не проснётся ли. Чук сердито фыркнул и не просыпался.

Тогда Гек надел валенки, приоткрыл дверь и вышел в коридор.

Коридор вагона был узкий и длинный. Возле наружной стены его были приделаны складные скамейки, которые сами с треском захлопывались, если с них слезешь. Сюда же, в коридор, выходило ещё десять дверей. И все двери были блестящие, красные, с жёлтыми золочёными ручками.

Гек посидел на одной скамейке, потом на другой, на третьей и так добрался почти до конца вагона. Но тут прошёл проводник с фонарём и пристыдил Гека, что люди спят, а он скамейками хлопает.

Проводник ушёл, а Гек поспешно направился к себе в купе. Он с трудом приоткрыл дверь. Осторожно, чтобы не разбудить маму, закрыл и кинулся на мягкую постель. А так как толстый Чук развалился во всю ширь, то Гек бесцеремонно ткнул его кулаком, чтобы тот подвинулся.

Но тут случилось нечто страшное: вместо белобрысого, круглоголового Чука на Гека глянуло сердитое усатое лицо какого-то дядьки, который строго спросил:

— Это кто же здесь толкается?

Тогда Гек завопил что было мочи. Перепуганные пассажиры повскакали со всех полок, вспыхнул свет, и, увидав, что он попал не в своё купе, а в чужое, Гек заорал ещё громче.

Но все люди быстро поняли, в чём дело, и стали смеяться. Усатый дядька надел брюки, военную гимнастерку и отвёл Гека на место.